

УДК 82.02/.09-31"19"(470)

ББК 83.3(2)6

Ч-88

Чукуева З.Н.

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры чеченской филологии
Чеченского государственного педагогического университета, e-mail: grozny.
sch.42@yandex.ru*

Эволюция крупных эпических жанровых форм: синтез документа и художественного вымысла

(Рецензирована)

Аннотация:

Целью является анализ основных тенденций развития жанровых форм событийно-хроникальной прозы конца XX века в отечественной и северокавказской литературах в контексте их типологических связей. Задачи исследования сконцентрированы вокруг проблем историзма и документализма, активно проявляющихся в современной эпике. Компаративистская и сравнительно-типологическая методология анализа художественного текста позволила выявить очевидные типологические схождения в плане интерпретации исторического материала, включения документа в художественный текст. Рассматривается основной тематический комплекс – произведения о Великой Отечественной войне. Отмечаются следующие основные тенденции – тяготение к жанровому и стилевому синкретизму, применение творческого инструментария публицистических жанров – очерка и эссе, стирание границ между литературно-художественным и научно-историческим контекстом, усиление роли документального начала.

Ключевые слова:

Событийно-хроникальная проза, военная тематика, документ, стиль, жанр, отечественная и северокавказская литература, историзм.

Chukueva Z.N.

*Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Chechen Philology,
Chechen State Pedagogical University, e-mail: grozny.sch.42@yandex.ru*

Evolution of major epic genre forms: synthesis of document and artistic fiction

Abstract:

The goal of the paper is to analyze the main trends in the development of genre forms of event-chronicle prose of the late 20th century in Russian and North Caucasus literatures in the context of their typological ties. The research tasks are concentrated around the problems of historicism and documentation, which are actively manifested in modern epics. The comparativistic and comparative-typological methodology for analyzing the literary text revealed obvious typological convergence in terms of interpreting historical material, inclusion of the document in the artistic text. The main thematic complex is considered - works about the Great Patriotic War. The following main trends are noted: fixation on genre and style syncretism, the use of creative instrumentation of journalistic genres – essay and sketch, erasing the boundaries between the literary-artistic and scientific-historical context and strengthening the role of the documentary baseline.

Keywords:

Event-chronicle prose, military themes, document, style, genre, domestic and North Caucasus literature, historicism.

Конец XX века знаменуется ощутимыми жанровыми трансформациями всего литературного корпуса, в том числе и крупной событийно-хроникальной эпике, занявшей устойчивую нишу в ряду актуальных и динамично развивающихся стилевых направлений. Изменения проявились в появлении новых видовых форм, отмеченных, прежде всего, тяготением к синкретизму – и не только художественного и документального начала, но и признаков разных жанров, например, событийно-хроникальные романы начали активно применять творческий инструментарий публицистических жанров – очерка и эссе. Стиль исследуемого литературного материала, в свою очередь, вполне логично, изменив принципам единообразия, расширил и открыл границы за счет включения в событийно-хроникальный текст иностилевых фрагментов – документов, текстов радио- и телерепортажей, отрывков из газетных и журнальных публикаций, фрагментов официальных, научных и деловых мероприятий и др. Перестроечные 1990-е годы характеризуются в целом как «духовный кризис, конец социалистического реализма, эстетический плюрализм, многообразие течений, стилей, художественных подходов» [1: 41].

Также в последние десятилетия прошлого века в событийно-хроникальной эпике со всей очевидностью проявилось стирание границ между литературно-художественным и научно-историческим контекстом, что позволяет говорить о новом историзме, максимально приближенным к исторической правде. Деятельность автора событийно-хроникального текста непродуктивна без скрупулезного погружения в историю, без проникновения во взаимоотношения поколений с последующим выходом к глубоким обобщениям о

взаимосвязи прошлого и современности. Несомненно, что большое значение в поиске исторической правды играют письма, дневники, воспоминания, выступающие, вследствие их относительно субъективной природы, «человеческими» документами. Все данного рода личностные материалы используются писателями с целью подтверждения художественного материала. Вмешательство хроники в общественное сознание стало столь влиятельным, что «чистая» художественная проза, основанная полностью на вымысле, отошла на второй план. Эта ниша была занята литературой non-fiction, миддл-литературой, синкретичными событийно-хроникальными романами.

В качестве достаточно новой черты событийно-хроникальной литературы, отсутствовавшей в соцреалистической прозе, следует отметить исторический фатализм. Фатализм эпической модели мироздания закладывается активными в исторических жанрах прозаиками в основу установок и мотивов поведения их персонажей: присутствуют и часто преобладают реальные герои, располагающие конкретным характером и имеющие достоверную реальную биографию. Фатальность обуславливает результаты их поступков, исход которых преимущественно не зависит от воли персонажа: «Жизнь – река... Кого на стрежень вынесет, кого на мель посадит» [2: 12]. Судьбоносность исторических событий показывается писателями через сложные сюжетные коллизии, в этом плане показательны произведения: «Лаз», «Долог твой путь», «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» В. Маканина; «Желтая стрела» и «Жизнь насекомых» В. Пелевина; «Сердца четырех» В. Сорокина; «Заколдованная страна» В. Пьецуха, «Ожидание обезьян» А. Битова, «До и во время»,

«Мне ли не пожалеть...», «Старая девочка» В. Шарова.

Но помимо фатализма (как ни парадоксально это сочетание с документализмом) в прозе конца века проявляется и документально-подтвержденный реализм на фоне вымышленного сюжета. Например, сюжет романа В. Пелевина «Числа» в основном вымышлен писателем, но события происходят в хорошо известных современникам исторических обстоятельствах периода перестройки.

Во второй половине 80-х – начале 90-х годов северокавказские писатели тоже обращаются к современной им действительности, создавая новые характеры в новых обстоятельствах. Здесь можно отметить произведения Н. Музаева, М. Мусаева, Д. Дадашева, У.Ахмадова, Х. Саракаева и других северокавказских писателей-прозаиков, писавших в различных жанрах.

Усиливающаяся ориентация на злободневную актуальность инициировала в постсоветской прозе второй половины прошлого века отчетливое снижение сюжетности, столь характерной для романа. В тематическом плане активизируется интерес к неординарным катастрофическим событиям, к которым можно отнести политические, национально-исторические, военные и социальные потрясения, трагические, по сути, и коренным образом меняющие жизнь людей. Подобного рода проза по доминированию сюжетообразующих событий квалифицируется современными исследователями как проза катастрофы (термин Н. Ивановой). Уже в метафорическом заглавии повести В. Токаревой «Лавина» обозначена трагедийность содержания ее произведения.

Событийная линия романов катастрофы представляет в каждом конкретном эпизоде некий «реквием по уходящей натуре». Изданные в 90-е годы XX века произведения, например, роман Г. Бакланова «И тогда приходят мародеры» и повесть

В. Токаревой «Лавина» могут быть сопоставлены в плане событийности по отчетливо выраженной структуре метасюжета. Метасюжет – это своего рода организованный контекст в виде структурированной истории, его формируют персонажи, история, происходящие с ними или по их инициативе события. Романы катастрофы различаются по поэтике, по размаху, по философско-мировоззренческой глубине, но в большей степени, по творческой методологии. Их типологическое родство обусловлено четко выраженной негативной оценкой описываемой общественной ситуации – и современной, и исторически отдаленной. В ряду типологически схожих романов катастрофы можно назвать тексты отечественных авторов – «И тогда приходят мародеры» Г.Бакланова, «Последний герой» А. Кабакова, «В больнице» В. Распутина. Событийно насыщены и социально-обусловлены произведения А. Проханова: «Дерево в центре Кабула» – об Афганистане, «В островах охотник» – о Кампучии, «Африканист» – о Мозамбике и другие, вышедшие отдельной книгой под общим названием «Горящие сады», также созданные по катастрофической технологии.

В центре сюжета романа А. Проханова «Дерево в центре Кабула» – события афганской войны. Герой романа журналист Иван Волков отбывает из Москвы в Афганистан в командировку. Прохановские романы почти всегда напоминают в структурно-содержательном плане журналистские очерки, их основной целью является реалистичный показ достоверных событий, подтвержденных документальными материалами. При этом писатель занимает нейтральную позицию, в отличие от активного проявления авторской точки зрения в литературе классической эпохи, когда писатели-реалисты в подчеркнuto эмоциональном дискурсе критиковали господствующий общественно-политический строй. Остраненность

А. Проханова становится гарантом беспристрастности повествования.

Не менее актуальными в последней трети прошлого века остаются произведения об Октябрьской революции и Великой Отечественной войне, которые в полной мере можно отнести к литературе катастрофы. В адыгской прозе эта направленность раскрывается в повестях А. Евтыха «Десант» (1973), Х.Ашинова «Вооруженные люди» (1977), П. Кошубаева «Игла в сердце» (1980) «Семь дождливых дней» и в других произведениях. Отметим, что с 80-х годов XX века военная проблематика приобретает иной ракурс рассмотрения (с позиций освобожденного творческого сознания) и в произведениях чеченских писателей нового поколения - М. Ахмадова («Сказка о трёх братьях», «А мельница крутилась и на рассвете»), М. Бексултанова («Черный глаз», «Бухта «Крест»»), С. Яшуркаева («Красный майор») и других. Названных авторов объединяет стремление к показу грандиозного сплочения сил представителей различных наций в условиях тяжчайших испытаний. Здесь имеет место формирование новой эпической поэтики с прогрессивным перемещением центра внимания с события на характер, а очерковость уступает место показу внутреннего психологического состояния личности.

Военная проблематика оказывалась интересной для отечественной прозы во все периоды ее развития. Менялись ракурсы ее рассмотрения, и современная литература обратилась не к проблемам конкретных боевых действий, а к постижению человеческой сути, проявившейся в условиях, когда речь шла о жизни и смерти. Опора на документы в современной событийно-хроникальной литературе позволяет авторам раскрыть тему войны с позиций современного видения и возможностей публикации недоступных ранее документов. Например, свой роман-хронику «За чертой милосердия» (1977) Дм. Гусаров начал с полного

текста «Приказа Штаба партизанского движения при Военном Совете Карельского фронта» от 13 июня 1942 г. (г. Беломорск). Все события романа-хроники в полном соответствии с жанровой спецификой произведения соотнесены с конкретными датами, например: Глава первая (пос. Услаг, 30 июня 1942 г.); Глава вторая (пос. Услаг, 30 июня 1942 г.); Глава третья (оз. Мальярви, 8 июля 1942 г.) и т.д. Д. Гусаров пишет о пехоте, которая была на переднем фланге, о безоружных солдатах-пехотинцах, которыми приходилось вступать в рукопашный бой, о потрясающих моментах штурмов, когда одной силой слова политруки поднимали в бой солдат, призывая отдать жизнь за Победу.

После прочтения этого произведения, проникнутого документализмом и ужасающей правдивостью, читатель проникает в самую суть войны без прикрас – в человеческие драмы, несчастья, мечты и надежды на будущее. Произведения, написанные в различное время и в различных обстоятельствах, объединяет присутствие типологических сюжетнообразующих компонентов событийно-хроникального жанра. После текста Дм. Гусарова, казалось, трудно было создать текст о пехоте, показавший бы читателю что-то новое, но появились повесть В. Кондратьева «Сашка» (1979), рассказывающая о фронтовом и тыловом быте пехоты, «Каратели» А. Адамовича (1984) – произведение, являющееся рационально-эмоциональным постижением сути нацистской идеологии, углубленным погружением в человеческие аномалии, равное которому вряд ли найдется в антинацистской прозе.

Суть происходивших явлений, их подлинное значение обнаруживается лишь спустя поколения, по мере их архивации. Для объективного осмысления глобальных событий в жизни человечества необходима временная дистанция. Достоверное содержание и смысл исторических

событий сохраняются лишь в документах – официальных и человеческих (воспоминаниях, письмах, дневниках и др.). Значение и существование всего, происходившего на фронтах Великой Отечественной войны, в первую очередь осознавали её очевидцы, в первую очередь, воины – солдаты и офицеры. На основе их свидетельств, а иногда и на собственном опыте эти события в художественной форме воспроизвели писатели.

Литературой писателей-фронтовиков стала во второй половине прошлого века так называемая «лейтенантская проза». В зарубежной литературе подобным в типологическом плане направлением была литература «потерянного поколения» - писателей, прошедших через ужас первой мировой войны и вернувшихся к мирной жизни уже совсем другими людьми. В названных стилевых направлениях – в «лейтенантской прозе» и в литературе «потерянного поколения» типологическая общность обусловлена основной идеей: судьба человека на войне складывается не из высокой идеи и пафосных лозунгов, а это ежедневный военный труд, когда солдаты просто исполняют свой долг – воюют, спасают раненых, идут на амбразуру. И им бывает страшно, а может быть, и хочется бежать, но они выполняют свой долг не для того, чтобы стать героями или завоевать награды, а потому что по-другому не могут.

В такой прозе на основании реально познанного и исследованного материала, с позиций собственных принципов современные писатели о войне показывают, как происходило внутреннее духовное самосовершенствование и упрочение нравственных взглядов целого поколения. Г.Бакланов отмечает: «А ведь это одно из главных достоинств художественного произведения, когда в какой-то мере происходит совпадение жизненного опыта автора и жизненного опыта читателя. Тогда

читателю становится все интересно и нужно в произведении, и он с доверием, сочувственно идет за автором. Если этого нет, читатель остается глух, как к чужой, мало интересующей его жизни» [3: 250].

Г. Бакланов, писатель-фронтовик, с позиций послевоенного времени в 1979 году написал повесть «Навеки – девятнадцатилетние». Одновременно Ю. Бондарев в романе «Выбор» (1983) через тридцать лет после победы создал картину войны потрясающей эмоциональной силы, достигнутой предельной искренностью повествования.

Освобожденный творческий потенциал литературы последних десятилетий прошлого века нацелил писателей-хроникеров на документальное подтверждение своих текстов ссылками без купюр на официальные документы, письма, дневники, мемуары. Эта тенденция проявляется в таких прецедентных текстах отечественной батальной литературы, как романы В. Богомолова «Момент истины», Л. Платова «Секретный фарватер», Вс. Овчинникова «Горячий пепел», Ю. Семёнова «Альтернатива. Политические хроники», С. Наумова «В двух шагах от «Рая» и др.

Участник военных действий российский писатель прошлого века В.С. Пикуль в своих исторических романах реализует тенденцию к воссозданию боевых явлений и действий на основе реальных документов - архивных материалов, писем, интервью с очевидцами. Он по мере возможности восстанавливает истину о войне на фоне документальных подтверждений, как, в частности, в романе «Площадь павших борцов. Барбаросса» (1992). М. Алексеев в книге «Мой Сталинград» (1993) предпочитает мемуарный стиль. Известный советский прозаик, бывший в 1942 году политруком мотомётной роты, осознанно захотел изложить собственную правду о войне не в качестве писателя-беллетриста, а в качестве констатирующего

мемуариста - «рассказать лишь о том, что видел и пережил сам только о том, чему был сам свидетель» [4: 74].

Во второй половине прошлого века существовавшая еще тогда правительственная цензура требовала от любого писателя, изображающего военного героя и его подвиг, основываться на реальных фигурах. Подобной безапелляционной установкой можно объяснить тот факт, что большинство текстов о войне в чеченской литературе имеет документальный характер. Применительно к творчеству Х. Ошаева можно упомянуть один факт, объясняющий стремление к документализму российских и северокавказских писателей. Непосредственно после издания книги С. Смирнова «Брестская крепость», не содержащей упоминания ни об одном герое из Чечено-Ингушетии, Х. Ошаев начал поиски документальных доказательств присутствия соплеменников при обороне Брестской крепости. В результате писатель обнаружил фактические данные о том, что в этой судьбоносной для всего советского народа битве участвовало около четырех сотен чеченцев и ингушей, и описал их подвиг в книге «Брест – орешек огненный». Однако подобная авторская активность была трактована партийной системой как стремление национального представителя гиперболизировать роль чеченского народа в Великой Отечественной войне.

Названная книга Х. Ошаева была издана уже после смерти писателя, так как «признание такого факта выбивало из наработанной колеи идеологов партии, вольно или невольно оправдывавших и выселение народа, и жесткую политику партии и правительства по отношению к ней даже после восстановления республики» [5: 251]. Аналогичная издательская судьба постигла и другое событийно-хроникальное произведение о Великой Отечественной войне чеченского автора Х. Саракаева «Неведомыми тропами».

Роман, написанный в период середины прошлого века, был издан только в 2005 году. Продолжительное время его держали на полке, потому что главным персонажем выступал вымышленный персонаж - чеченец Салах Садыков, несмотря на то, что в его характере автор аккумулировал лучшие черты национальных героев – патриотизм, бесстрашие, умение сохранять выдержку в драматичной обстановке, организаторские способности, военную доблесть.

В целом, в 70 – 80-е годы в художественном постижении проблематики Великой Отечественной войны в российской прозе просматривается относительный отход от доблестно-героического пафоса в направлении углубления психологизма, стремления проникнуть вглубь имеющихся фактов на основе тщательного и детального воссоздания реальных событий. Таким образом достигается цельность и достоверность и событийной, и эмоциональной картины описываемого. Эта тенденция инициирует движение от полностью документальных текстов к событийно-хроникальным и художественным. Так, в частности, тексты балкарского писателя М. Батчаева отличаются мировоззренческой философичностью, глубиной прорисовки персонажных характеров и художественной законченностью. В них описывается бытие северокавказских народов в один из военных периодов. Включенные в художественно-документальные тексты М. Батчаева ранее засекреченные архивные материалы помогли реставрировать важнейший период в истории этноса. В рассказах балкарского писателя последних десятилетий прошлого века «Серебряный дед», «Алибек – сын Дыгаласа», повести «Элия» (1980) многосторонне и глубоко осмысливается тематика «человек и история». М. Батчаев в своей малой эпике не ставит целей воссоздания социалистического бытия и процессов «перековки» характеров

и формирования человека новой формации. Для него более актуальным оказался не показ крупных военных действий, а психологическое раскрытие тематического комплекса «человек и мир», «человек и война». Событийно-хроникальная проза данного периода, отмеченная тенденцией к лиризации, нацелена на показ и раскрытие не только достоверных фактов, но и психологии человека на войне. Подобного рода установки прослеживаются и в произведениях других

северокавказских авторов - «Сын Ленина» (1962) Б. Тхайцухова, «Фронтовые дороги» (1980) К. Шурдумова и др.

Опосредованно включая определенное событие, хронологическую дату или личность в качестве объекта для размышлений главного персонажа о сущности происходящего, писатель реализует собственные принципы, с высоты которых он постигает и анализирует явления реальности во всей ее многосторонней сложности.

Примечания:

1. Панеш У.М., Сиюхов С.Н. Об актуальных вопросах периодизации и структурно-типологической классификации отечественной литературы XX века // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 1 (114). С. 36-41.
2. Барахов В.С. Искусство литературного портрета. Москва: Наука, 1976. 184 с.
3. Бакланов Г. Новая повесть Юрия Бондарева // Новый мир. 1959. № 7. С. 249-255.
4. Алексеев В.А. Русский советский очерк. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1980. 120 с.
5. Старикова Е.В. Поэзия прозы: статьи. Москва: Сов. писатель, 1962. 272 с.

References:

1. Panesh U.M., Siyukhov S.N. On topical issues of periodization and structural-typological classification of the national literature of the 20th century // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. 2013. Iss. 1 (114). P. 36-41.
2. Barakhov V.C. The art of a literary portrait. Moscow: Nauka, 1976. 184 pp.
3. Baklanov G. A new story by Yuri Bondarev // Novy mir. 1959. No. 7. P. 249-255.
4. Alekseev V.A. A Russian Soviet essay. Leningrad: LSU Publishing house, 1980. 120 pp.
5. Starikova E.V. Poetry of prose: articles. Moscow: Sov. writer, 1962. 272 pp.